

* * *

Новое в изображении человека может быть отмечено не только в житиях святых. Жанр житий — только наиболее характерен для этого времени. Новый стиль отчетливо сказывается в Хронографе.

Вся мировая история в изложении Хронографа — цепь нравоучительных историй, изображающих невероятные подвиги благочестия, а чаще — неслыханные злодеяния.

Исторические личности рисуются с необычайной силой экспрессии. Либо это злодеи, действующие по наущению дьявола, либо герои-добродетели. Действующие лица Хронографа мечутся, обуреваемые страстями, или совершают подвиги благочестия, подвигнутые на то ревностью к добру. Отсюда, так же как и в житиях, необычайная экспрессивность характеристик, отсюда гиперболы, стремление к грандиозности изображения, проникающее всё изложение и подавляющее читателя. Люди проливают «тучи слез», плачут по восьми месяцев. Одержимые страстями, они бессильны совладать с ними. Однако человеческого характера в Хронографе нет, как и в житиях.

Новый стиль через Хронограф проникает в летописание и исторические повести.¹ Черты нового стиля могут быть отмечены в «Задонщине», живописующей события Куликовской битвы «буйными словесы». Сравнительно со «Словом о полку Игореве» «Задонщина» гораздо более абстрагирует и «психологизирует» действие, многие из речей, произносимые действующими лицами, носят условный характер, это не реально произнесенные речи, как в «Слове о полку Игореве». Усилена экспрессивность изложения. Такой экспрессивный характер носит сцена бегства «поганных», которые бегут, «скрегчюще зубы своими, дерущи лица своя», и одновременно произносят длинные речи.

Новому стилю подчиняются отдельные элементы «Повести о разорении Рязани Батыем», подвергшейся, очевидно, переработке в конце XIV века.

Кое-что из этих литературных явлений находит себе аналогии в изобразительном искусстве конца XIV—XV века: динамизм, экспрессивность, повышенный психологизм, — хотя в целом изобразительное искусство этого времени (фрески, иконы) гораздо более связаны с действительностью, конкретнее воспроизводят душевные движения, резче отражают индивидуальности людей, чем литература. Творчество Андрея Рублева, фрески и иконы XIV—XV веков именно поэтому гораздо значительнее, чем произведения русской литературы того же времени.

* * *

Чем объяснить изменения в художественных методах изображения человека в конце XIV—начале XV века?

Изменения в надстройке не могут быть объяснены по частям, когда эти части рассматриваются изолированно друг от друга. Структура человеческого образа в произведениях конца XIV—начала XV века находится в неразрывном единстве со всем стилистическим строем русской литературы этого времени, с ее содержанием, с философско-религиозной мыслью

¹ См.: Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 346 и сл.